

Неонила КРИНИЧНАЯ, Виктор ПУЛЬКИН

ПО КАРГОПОЛЮ

“На востоке моря, дышущего окияна”

Записки собирателей фольклора

О традиная весть: строится магистраль на участке Пудож — Каргополь. Прадедовский тележный путь, за долгие годы заколодельный, замуравленный, воскреснет автострадой. В новом тысячелетии соединит миры Фенноскандии и Зауралья.

Вспомнилось, как много лет тому добиралась в залесный край, как шли Каргополем, беседовали с каргополами.

Мечтали о поездке долго. Готовились обстоятельно. Перечитали все, что только добыли об этом старинном уголке Олонецкого края, его плодородном и богатом юго-востоке, только в начале XX века отошедшем к Архангельской области.

4 августа 1970 г.

В три часа пополудни вылетели на маленьком биплане АН-2 в Каргополь. В старинных грамотах он зовется “град на востоке моря, дышущего окияна”. Знаем: стоит город среди хлебородных нив и дремучих лесов у истоков реки Онеги. До беломорского устья — четыреста верст! Предания помнят: предки каргополов пришли с берегов Ильменя и Волхова. Иные — из “низовых городов” Срединной Руси. Бег под парусом, весельный стук и бечевный ход — роздых и веселье после тяжкого пути по диким болотам, таежным дебрям от Вологды к Воже-озеру по рекам Вожге и Свида — в синее озеро Лача. И другой путь не легче — по Волхову, Ладуге, Свири и Онего. По диким речкам и пустынным озерам Пудогги. То корабли несут гребцов, то мореходы взваливают суденышки на рамена, бредут водоразделами-волоками до новой “чистой воды”. “Искусство памяти” — заповедное слово песен, преданий — закалили дух людей. Давали уверенность не меньше, чем повседневный труд, жизнь на реке и в лесу, промыслы на Студеном море, привычные и для залесного, далеко живущего от Поморья крестьянина.

Днесь и поныне родит эта земля людей прямодушных, испытывающих зов времен, пространства.

Под крылом все менялся облик земли, нашей малой родины. Тупое разрушение леса вблизи города. Хвойные леса выхлестаны ржавью кустарников. Серой ольхой, бледной осиной. Прошли севернее Кижей. Отрадно мелькнули шатры прекрасной Типиницкой церкви Вознесения Господня (XVIII век) ¹. Вспомнили о недавнем путешествии в этот благословенный край.

Закудрявились внизу заонежские острова, узорчатые у приплеска вод. Округлые завитки их не похожи на рубленный абрис “оток” близ Петрозаводска. Посреди, почитай, каждого угадывались прадедовские пожни, долгие нивы с каменными кладками “ровниц” и “грудовиц”. Вкруг всякий островок обсажен, словно зелеными бусинами, купами деревьев, кустарников. Чуть ли не прямо из воды и растут деревья! Как ильмы в знаменитых Кижях...

Когда же “кончилось” под фюзеляжем Онего, с его игрушечными даже с небольшой высоты корабликами на ряби волн, пошла-повалила Лудуга! Это волшебный край наших первых странствий. Первой услышанной “в живом бытовании” былины. Здесь великий кондовый лес — предвестье золотых парм Урала и Приуралья: встречается лиственница. Кроны хвойных деревьев — каждая в отдельности — смотрятся интенсивными пятнами тучного сине-зеленого цвета: леса обихожены санитарными рубками. Поднятые под озимые “пары” охряно-желты. Вот и Архангелогородчина под крылом.

Самолетик опускался, вился в вираже вокруг высокой черной ели. Разогнал не слишком-то спешащих дать нам место ребя-

¹ Через несколько лет этот уникальный памятник деревянного зодчества погиб от удара молнии...

тишек на конных граблях. Уступили нам луг неохотно. После полутора часов рева двигателя услышали пение лесных пичуг. Летчики устроились под плоскостью АН-2 с термосом, бутербродами. Двое пассажиров меланхолично удалились меж притомившихся от зноя берез в ближнее Лекшозеро. Мы и сами с удовольствием отправились бы туда — или в недаленое Кенозеро! Святое места: здесь столетием раньше собирал былины и умер подвижник фольклористики Александр Федорович Гильфердинг. Но сейчас наш путь не за эпическими песнями. За изустной исторической прозой.

Опять небесный тихоход обогнул конные грабли, почти завершенный стог с барахтающимися на его верхушке девами. Колеса прошумели по валкам скошенной травы. Мы опять в воздухе. Каргополь блеснул навстречу белыми гранями, зелеными куполами церквей и соборов на серебряном фоне Онеги-реки. Съехали со слоистого неба на районный аэродром. Пожилой пилот лихо вырвался на стоянку. Механик, парень в ковбойке, поставил опоры под колеса шасси — что-то вроде железнодорожных “башмаков”. Поднял здоровенный большой палец: “все в порядке”. Доброе начало экспедиции.

Каргополь

Идем пыльным городом. Древнерусский град интересен для нас, кроме его заповедных памятней, восемью белоснежными памятниками-храмами. К ним будем возвращаться вновь и вновь, прикасаться к теплым белым стенам. Ведь и зодчество — поэзия. И мастерство старинных тектонов-зидителей поныне питает изустное “искусство памяти”. Пристань на Онеге. Ее перила унизаны разновозрастными рыбаками. Их поплавки сносит быстрое течение: Онега поторавливается к Студеному морю из пространно-белесого, как взгляд легендарной чуди, озера Лача.

Лохматый пес изнеможенно лежит в пыли на проезжей части улицы. Тяжелый грузовик надвинулся на него чуть ли не вплотную, накрыв облаком пыли. Но пес только чуть приподнял голову — и опять томно уложил ее на лапы. “ЗИЛ” в крутом вираже загрохотал в ближайший проулок. Всякая собака здесь знает, где именно у шофера теща живет. И когда печет блины.

Вот и здешняя заведующая отделом культуры райисполкома Александра Яковлевна Носова помнит, кажется, всех здешних жителей наперечет. Подсказывает адреса “знатких” — памятливых, интересующихся стариной! — каргополов: “Налево, у Онеги,

где портомойня, желтый крашенный домик под покляпым тополем. Не бойтесь: собака некусачая”. Нашли, как по-писаному.

Куда ни идешь в этом старом городе — непременно выйдешь к Онеге. Журчит берег маленькими родничками. К крашеному тесовому сараю подкачивает мотоциклист. С его заднего сиденья соскакивает удалая молодайка с корзиной свежесмытого белья, несомой на отлете. Это опрятное строение и есть городская портомойня (иные скажут — “лепакомойня”). Но белье здесь не моют, а только полощут, усердно отбивая вальком. При этом воды в бассейне будто и вовсе нет, настолько чиста, прозрачна проточная родниковая влага: каждый камешек на дне воображает себя уральским самоцветом.

Первые знакомства — зачины, завязи знакомств. Первая запись: Татьяна Васильевна Медведева поведала легенду о святом преподобном Александре Ошевенском, строителе и настоятеле здешнего монастыря, жившем 400 лет тому назад. Знаем: предстоит еще встречи со многими вариантами преданий о подвижнике; планируем поездку в село Ошевенск. Беседуя, уходим памятью и в куда более древние времена, слышим предания о чуди, некогда обитавшем здесь племени, возможно, финского происхождения. О его прекрасных князях и премудрых, храбрых князьях. О трагической гибели полумифического народа — “чудь в землю ушла”, обрушив на себя свод подземелий. Поныне находят люди “чудские” клады — золото и серебро, “словно рыбий клеск”: блискучей, значит, чешуе подобны монеты. А недавно старик помор вдруг “воспомнил”, что еще в его молодые годы дикие чудины нападали на приполярном острове на рыбаков, пришедших взять пресной воды в судовые анкерки, — метали в них костяные стрелы. Сходные с “чудскими” предания живут, например, и у ненцев. О “сихиртя”, древних хозяевах тундры, сказывали нам в Салехарде...

Обрывочные предания, легенды, мифологические и бытовые рассказы, услышанные в первый день пребывания в Каргополе, сплетаются в сюжет. Струится река, догорает день. Начинает работу воображение...

5 августа.

Ночевали в школьном интернате: мест в гостинице не оказалось.

Только на следующее утро устроились в тесовый отель. Прилетели в музей, чая встреч не только с экспозицией.

В провинциальных музеях возможны любые чудеса по части редкостей. И все же главное — неугомонные краеведы. У бело-

Христорождественский собор (северный придел). Каргополь, XVI век.

каменного Христорождественского храма пестрела группа экскурсантов. Тихонько присоединились к ней. Гидом — сама директор Каргопольского краеведческого Августа Николаевна Храмулина. Пошли-потащились за невысокой, ладной Августой Николаевной по улицам и площадям Каргополя, анфиладой его веков и незабываемых событий. Льется отлаженная сотнями экскурсий речь:

— Время первоначального поселения здесь славян относят к XI-XII веку. Возвращаясь из северного похода, белозерский князь Вячеслав, упоминаемый и в "Повести временных лет", "нашел поле, удобное для отдохновения... назвал оное Каргиным полем и учредил на оном свой стол. Россияне сделали на том поле острог..." — записал местное предание побывавший здесь в бытность свою олонеким губернатором Г.Р.Державин.

Каргополь наш постарше Москвы, но до 1380 года слыл не городом — посадом. Прославлен на всю Русь градом после сражения на поле Куликовом, где каргопольская дружина полегла мало что не вся. Зато принесла нашему поселению великую честь. При Иване Грозном Каргополь, как и Новгород Великий, потерял былую независимость, попал под руку Москвы и вошел в число девятнадцати "опричных" городов, которые платили особую дань. Путь через Онегу в Белое море, для торговли и про-

мысла, наряду с северодвинским, вел на богатый европейский торг, иных портов тогда у Руси не было. А как наметил Великий Петр другие дороги на Запад, захирела беломорская негодия. Потерял былое значение купеческий Каргополь. Удар этот был дополнен двумя крупнейшими пожарами — в 1731 и 1765 годах... Однако строительство храмов продолжалось. И уже к концу XVIII века здесь было двадцать четыре церкви и два монастыря. Ныне их — девять. Поставлены они в разные исторические эпохи и архитектурные стили отражают разные. От времен Ивана Грозного до царствования Николая I...

Душный день разгорался. Слепила глаза река. Крепко пахло матерой, жилистой крапивой. Тянуло в любимую прохладу музейных залов. И вот мы в былом храме Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, переоборудованном под музей. Ах, каргопольский краеведческий! Тут тебе и прялицы — широкие, расписные, с "городками" и "серьгами" на просторных лопастках. Впрочем, прялочки-то нам хорошо знакомы: такие бытовали и в нашем Колодозерье, откуда мы сами привезли целую коллекцию в Кижский музей. Вот он, золотом, крученным на шелковую нить, плоской "битью" шитый платок! Благородный металл особенно хорошо смотрится на простой белой материи плата. Точно такой мы нашли недавно в деревне Филимонихе под Пудожем. Теперь он служит кижским экспонатом! Бытовали и у каргополов, и у

пудожан тяжелые парадные дуги, расписные и резные, узорчатые туеса, ларцы и сундучки просечного железа — “невестинь”.

Что-то не произвели на нас особого впечатления глиняные игрушки хваленной-перехваленной Ульяны Бабиной, живущей неподалеку от Каргополя. И по форме какие-то мягкие, неопределенные. И по цвету... Может, это у нас из духа противоречия? Зато древняя каргопольская игрушка, точнее, древняя языческая пластика, производит неизгладимое впечатление. Хотя и статична эта скульптура, и расписана на молоке, разведенном мелом, сажей да охрами из прибрежных камешков.

Закончилась экскурсия. Разбрелись экскурсанты. И тут мы короче познакомились с Августой Николаевной. Коренастая, средних лет типичная каргополька оказалась, как многие краеведы, человеком общительным и добрым. С ней интересно побеседовать, например, об исследователе Каргополя К.И. Докучаеве.

— Домик ученого и теперь стоит на улице Сергеева рядом с теремом купца Серкова. С толстосумом бедный провинциальный учитель вел долгую тяжбу. Серков пожелал оттягать у Докучаева отцово наследие — ветхий дом. Время все расставило по местам. Имя Докучаева известно любому историку.

— Но и Серков не забыт! Вчера вечером шли мы по городу, и встречный пьяница вдруг выбил по деревянной панели отчаянную дробь и дико замотал головой: “Я, — ревет, — Серков мерин!”

— Купец был известный лошадалик! — улынулась Августа Николаевна. — Но были и другие купцы, куда знаменитее!

И тут мы совсем неожиданно для себя услышали повесть о каргополе — правителе Русской Америки.

Об Александре Баранове

— Каргополь широко по свету ходят. Даже за самый край окоема. Жили в Чарозере там торгующие крестьяне Барановы. В середине XVIII века, знаем, содержал в городе Каргополе скобяную лавку Андрей Ильич Баранов. У него сынок — Саша.

Грамотой не шибко грамотен, памятью — памятен. На возрасте лет, живучи в Москве и в Питере, изучил торговое дело. Имел прилежание к химии и к физике, географии и кораблестроению.

Как и многие каргопольцы, ушел Александр Баранов в молодые годы “за Камень”, “встречь солнцу” — в Сибирь. Известны его статьи о развитии этого края. За них был из-

бран членом Вольного экономического общества. Стал известен в научных кругах.

Про таких скажут: “Смысловой возрос!” В Иркутске предприимчивого каргополя приметил известный мехоторговец Г.И.Шелихов. Тот, кого Г.Р. Державин назвал впоследствии “Коломбом русским”. И предложил нашему земляку должность в Северо-Восточной Американской торговой компании. Александр Баранов стал наемным управляющим, а вскоре — и главным правителем “Русской Америки”, Аляски.

Он застал эту землю “в несчастном положении”, разоряемой набегами немирного населения, стихийными бедствиями, злоупотреблениями доверенных лиц. Основывал поселения. Слал в Россию корабли, обозы с мехами. Проводил на Аляске и в Калифорнии научные исследования. Утверждал власть Российской империи на континенте. Успешно отражал нападения воинственных индейцев. Торговал с алеутами и кадьякцами. Осваивал промысловые угодья для добычи пушного зверя. Баранов строил корабли, вел дипломатические переговоры. Стал известен энергией, волевым, решительным характером.

Всю жизнь Александр Андреевич трудился не покладая рук. Около тридцати лет правил заокеанской территорией России. Через его руки прошли миллионы золотых рублей. Скончался А.А.Баранов на борту корабля, идущего в Россию, 73 лет от роду, 19 апреля 1819 года. По морскому обычаю, похоронен в водах Зондского пролива. После него остался синий матросский сундучок великоустужской работы, пара холщовых рубах, Библия, узорный каргопольский пояс. Да алеутские, с узкой прорезью, деревянные солнцезащитные очки, ярко расписанные первобытным художником. Из денег же — серебряный рубль, некогда данный отцом “на разживу и счастье”.

Здесь, в музее, мы “взяли на карандаш” неизвестные нам прежде труды каргопольских краеведов разных лет (например, И.И.Рудометова).

Рядом со зданием музея — знаменитый памятник архитектуры XVI века — Христорождественский собор (освящен в 1562 году). Огромный, пятиглавый. Хранящий следы памятного каргопольского пожара XVII в., запечатленного на не менее известной иконе святых Бориса и Глеба. В огне храм растрескался, едва не погиб. Приделаны к нему кронштейны контрфорсов — кирпичные, покрытые тесом. Они придали строению древних зодчих еще большую монументальность.

Беседовали с двумя реставраторами,

здесь утруждающимися на восстановлении иконостаса, Вадимом и Геней. Оба — из столичной мастерской имени И.Э.Грабаря. Недавно здесь открыты фрески XVII, иконостас XVIII вв. Настенная живопись храма — на сюжет Деисуса с предстоящими — выполнена в коричнево-желтой гамме. Написана красками, сказали молодые художники, тертыми из местных глин...

Обратили внимание на суровую, решительную хватку вырезанного из цельного бревна кронштейна для подвески церковного паникадила в барабане храма. Кронштейн в виде протянутой руки с крепко сжатым кулаком четко рисуется в четырехсветном пространстве под центральной главой собора, символизирующей Самого Христа (четыре других — символы апостолов-евангелистов). Берем наблюдение на заметку. Очень может быть, что с этой броской деталью местного храма окажется связанным одно из преданий. Кто, почему, когда сделал этот держак в виде богатырской руки? Получили ответ на этот вопрос в одной из каргопольских легенд.

Какой он долгий — день собирателей фольклора в старинном городе! Направляясь на покой, в гостиницу, познакомились с двумя стариками, сидящими на лавочке возле калитки (между прочим, в Карелии нет обычая вот так, для роздыху, сидеть у подоконаья ли, у ворот: обычай более теплых краев). Дмитрию Васильевичу Барышеву и Алексею Ивановичу Игнатьеву на двоих аккуратно полтора века. В беседе с ними мы, к своему удовольствию, выяснили, что и тут, как в нашем Поморье, известно имя Ивана Лобанова, грузчика-богатыря, впоследствии — легендарного борца из Архангельского цирка. Значит, продолжим записи о нем и здесь. Дополним коллекцию преданий о Ване. И, Бог даст, воссоздадим прозаический эпос о нем. Эпос, возникший в XX веке!

Поздним вечером отправились в кино, на "Европейскую невесту". Но и в кинозале думалось об Иване. Так разбередили душу каргополы, напомнив нам прошлогоднюю поездку в Поморье — от Беломорска до Кемпи. Там, между прочим, хорошо помнят приезд каргопольских обозов за селедкой, наряду с нашими, заонежскими. Поморы отличали каргополов не только по массивным дугам, узорным, с пышными кистями гарусным кушкам, но и по обличью людей из хлебобродного края: "Красны рожи, рваны одежи, рты полы — едут каргополы!" Народ, стало быть, добродушный, простоватый в крестьянском крае, признанной житнице Олонецкой губернии. Но каргополы и сами хаживали на рыбный ли, звериный промыслы в Белое и Баренцево моря. Соверша-

ли торговые плавания. Об этом свидетельствуют, например, жития святых Соловецкого патерика, где часто на море встречаются каргополы, то везущие в Норвегию керетскую слюду, то подрадившиеся в "покрут" — на рыбные промыслы.

Еще о Каргополе

7 августа.

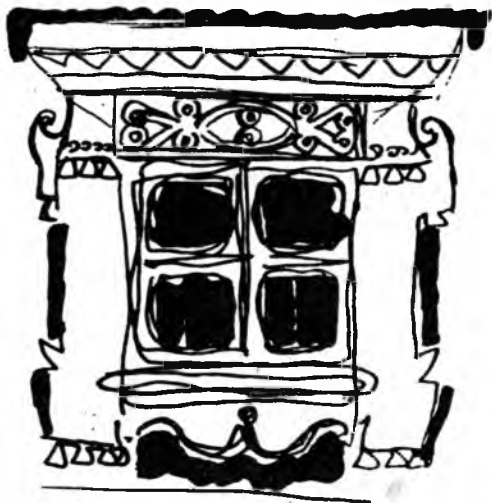
В Каргополе — три главные улицы: река Онега с набережной, улица Ленина и Октябрьский проспект. По реке снуют лодочки рыбаков и охотников, эти отплавляются больше на плесы богатого Лача-озера. На Ленина — главные магазины. По Октябрьскому шествуешь чинно, от храма к храму, обозревая всю, почитай, историю русской архитектуры. Между прочим, есть у каргопольского архитектурного узорочья своя особинка: в XVII веке всюду на Руси уже строили храмы из кирпича, а здесь еще продолжалась традиция белокаменных, одетых в нарочитую резьбу кубических пятиглавых храмов, истинным шедевром среди которых стала Благовещенская церковь (1692).

Эти магистрали города параллельны друг другу. Пересекаются малыми улицами и переулками, спускающимися к реке. Жилые "обывательские" дома в основном бревенчатые. Не редкость крашенная тесовая обшивка, мансарды, колонны и пилоны, отделанные "под камень". Все, как во многих уездных наших городах. Дом культуры. Корпус ярко-синий. Крупная вывеска — оранжевая! Домище сияет, словно знаменитые здешние игрушки. Почти все старинные здания — в стиле провинциального русского ампира. Снабжены несокрушимыми ставнями, как в Древней Руси. Ставни поддерживаются "рогульками", одинаковыми резными кокорами. Кто-то придумал — понравилась.

И опять — эпическая, былинная мощь белокаменных храмов, тяжесть могучих куполов, выверенная краса барельефных, резного белого камня — наличников. Что это? На одном храме не найдешь двух одинаковых обрамлений окон! А ни разнобоя, ни пестроты!

Великое жило искусство среди севернорусских зодчих. Подкреплялось эпическим складом мышления, которое поныне живо в изустном слове, строе речи.

Магнитофон работает исправно. Рассказчиков находим на скамеечке у ворот, то в магазине или у портмоины, даже — в присутственном месте! А нет, так просто, неожиданны-негаданны, зайвемся в избу и с порога: "А мы из Академии наук, собираем

Наличник жилого дома в Каргополе.

предания — те рассказы, которые вы от дедушек-бабушек слышали. Запишем на пленку, чтобы не забылись! И в книжку вставим!” — “Экие многобытны! — руками разведет хозяйнушко. — Как тут и были! Ну, проходите, рожоны! Разбеседуемся!”

На улицах пыльно, душно. Назревает гроза: воздух синь от насыщения электричеством. Даже река не спасает от зноя, даже дыхание недалёкого Лача! Идем-шагаем по улице Ивана Болотникова. Выходим на Юрия Гагарина и неведомого нам полковника Окулова. Жители увлеченно повествуют о героической борьбе Ивана Болотникова за становление в Древней Руси советской власти. Этот Иван, похоже, здесь популярен не меньше Лобанова! (В записанном нами предании запечатлен факт ссылки Ивана Болотникова в марте 1608 г. в Каргополь, где он был ослеплен и утоплен.)

На Досках почета, обязательных в административном центре, — портреты передовиков. Писаны маслом, а то — рисованы “сухой кистью”. В здешнем педучилище работают преподавателями рисования талантливые художники, местные “рожаки”.

Один из нас тоже иногда рисует — вот перед Христорожественским собором немного посидели. За малеванием и застал нас веселенький старичок Максим Иванович Залесский. Безобидный на вид старичок небольшого роста. Борода клинышком, руки врозь. Помаргивает, будто сообщает собеседнику: “Да-да! Так-так!” А на доньшке голубеньких глаз мерцает холодная вода: “Все врешь! И я — вру!”

Старинное апостольское выражение, произнесенное им с сугубым смирением: “Мысль изреченная есть ложь”, — только подтверждает неприятную догадку. Да, непростой выделки человек Максим Иванович. Перед нами дедок величался и заносился. Он что-то вроде эксперта при музее. Помогает определять, описывать старинные первопечатные и рукописные книги. И, кажется, иконы. Похоже, действительно в этом разбирается. Мы же записали от М.И. Залесского два предания — о самосожжении старообрядцев на Порме и о разбойниках, которые во главе со своим атаманом Кручиной грабили идущие по реке Онеге струги с солью.

Зато как легко говорилось-слушалось нам в доме Андрея Константиновича Агапитова! Как радушно, гостеприимно приняла нас его жена, Екатерина Ивановна! С каким врожденным чувством такта и достоинства вела она беседу! В этом домике мы тоже услышали обрывок предания об Иване Лобанове: “Быват, он из нашей деревни и был, Ваня, откровенный человек!”

Андрей Константинович — солдат Великой Отечественной. Попал, бедный, в штрафную роту: неведомый ему самому грех было велено искупать кровью. Всю войну посылал домой солдатское жалованье — 10 рублей. А память ослабла после контузии. Взрывался поблизости снаряд. Засыпало землей. Убежден Андрей Константинович, откопали его только потому, что при нем в брезентовой полевой сумке были протоколы, другие партийные документы: в этой же роте и в партию принят, и парторгом стал...

И вот старый “политбоец” (что-то не встречали в нашей литературе рассказов о воинах, носивших это звание! А ведь оно было) рассказывает, как именно испытывали “могучесть” богатыря-новоприходца в северной артели портовых грузчиков-крючников... Но всякий рассказ дается ему с трудом: память не та. Жена солдата, Екатерина Ивановна, сама припомнила немало. Да еще скоро-наскоро сбегала к соседям. Оттуда принесла “всякой лихорадки” — сказки и песен — “целое беремья”.

Назавтра обещают Агапитовы привести на погляденье и для рассказов старую-престарую купеческую работницу-батрачку! Тетю Катю.

Вечером побывали на южной окраине Каргополя, в ветхом доме Николая Николаевича Елисеева. Он со старушкой — самые что ни на есть коренные жители. Это видно и по интерьеру их домика — тут было бы приволье музейщику. Поневоле вспомнишь кижские экспедиции! И здесь снова — сказ об Иване Болотникове, предводителе анти-

феодалного восстания 1606—1607 гг., казненным по приказу царя Василия Шуйского в Каргополе.

8 августа.

Екатерина Михайловна Котчина, вечная купеческая батрачка, — старая подслеповатая женщина. Внешние уголки ее глаз опущены, как на "игрушках" в музее — глиняных "чудских" божках. Сутулая, высокая, в плюшевой черной кацавейке. В сухих бледных руках — рябиновая палка.

С порога напористо начала сказывать про купцов. При этом поминутно бледные губы — в ниточку. Поглядывает укоризненно. Нажимает на то, что купцы каргопольские — весьма достойные люди. Да разве ж мы против? Вот и Катю Котчину купили на неисчетные годы. Работала, не зная, сколько и когда ей заплатят. Юность, молодость отдала. Замуж с хлопотами так и не вышла. Зато всю жизнь гордится: нагрузил однажды купец тяжелую каргопольскую телегу. Чего только тут и не было! Крупы кулями. Сахар головами. Мануфактура — штуками-рулонами. Да и отвез ее отцу — в награду за дочь. После того дева стала "ломтить" самозабвенно. Замечательная была у купца батрачка. Прирожденная, верная.

Ну что ж, нужны ведь и такие встречи. Записали на магнитофон "бытовые" рассказы. Ни о каких исторических преданиях и легендах речи не шло. Не до того было Екатерине Михайловне ни на купеческой службе, ни позже. "Не наша" рассказчица. Отчего-то расстроились мы... Может, устали? Решение — как озарение — надо отдохнуть.

И пошли мы в баню!

Строение это стоит в Каргополе на загляденье — прямо на мысу, у реки. Рядом — автоцистерна с надписью "Пиво". Напиток этот здесь почему-то с сильным привкусом сосновой смолы. Нам нравится. Нравится и то, что, куда ни глянь, отовсюду бегут-поторапливаются грибники со здоровенными корзинами: сезон "грибы помать"! Только вступил один из нас в предбанник — и здесь услышал речи из-за печи — про грибы! кто и сколько насушил-насолил. И про то, какая была насчет здешних рыжиков "порядня" "при царях": низали грибочки по одному в горлышки пивных бутылок. И были каргополы ни много ни мало "поставщики двора Его императорского величества"! Вывешивали над воротами жирных золоченых орлов!

На этой торжественной ноте величаво вступил в баню холеный старик. Вытащил из

импортной кожаной сумки пару коньяка, плитку шоколада, апельсины. Оживились мужики. Пошла в ход подручная немудрящая посуда — не под стать выпивке. Отвернули от алюминиевого мятого бачка медную кружку — цепь на пол сгрохотнули. Заоглядывались, правда, — вот, мол, принесет нелегкая баенную смотрительницу бабу Снафиду: за эту кружку кое-кому кое-что пооборвет. Выпили и закусили. Загомонили. Про ведьму забыли, а она тут как тут. Глянула на разгулявшегося белого старика да и вон улетела, как молоденькая.

— Чего это она? Сроду голых мужиков не боится...

Старикан молча ушел в парилку. Вернулся — весь багрового колеру:

— Тридцать лет в этой бане не парился. И веники в тех краях, где ныне живу, в бане — лиственничные, только гладят. Даром что город — Березов.

— Конечно, тридцать лет — не на пожню сходить!

— Сначала, ребята, действительная. Потом — война, плен немецкий, лагерь советский, то-се! А Снафиду вашу Настей крестили. Невестой была мне...

Надел спортивный костюм с тройными лампасами. Белые тапочки. Утоптал. Мужики промеж себя:

— Большим начальником по нефти стал. А родные края позывают, от этого не уйдешь..

И опять повенчали алюминиевый бачок со старой кружкой тяжелой собачьей цепью.

Глиняные, расписные...

9 августа.

День посвятим знакомству с мастерами каргопольской игрушки. Для начала — в гончарную мастерскую, филиал архангельского комбината "Беломорские узоры". На комбинате занимаются возрождением древних ремесел и промыслов Русского Севера: резьбы по дереву, вышивки, ткачества, низания жемчугом, керамики, серебряной черни и резьбы по кости. Велика область — континент. И все же каргопольские глиняные — приметная частичка здешней красоты. Предприятие, объединившее столь, казалось бы, несхожие ремесла, возникло несколько лет тому...

Небольшой дом на Архангельской, 36. Проходим по палисаду. Поднимаемся на крыльцо. Вступаем в сени. Призывно пахнет сырой глиной — словно в мастерской скульптора. Слева от входа — грубоватая сработанная, сведельная машина для перемешивания глины: электромотор вращает латаным ремнем-приводом лемех.

Ряды подсыхающей игрушки — пепельно-серых скульптурных миниатюр. В следующей комнате на подоконниках, полках — обожженная и расписанная продукция мастерской. Полыхают все оттенки цвета, нанесенные темперой. Преобладают белый, альпий, синий...

В этот час мастерская безлюдна. Согнулся за столом лишь один сотрудник. Пожилой, сухощавый. В кепочке-восьмиклинке. Пишет: "В бухгалтерию комбината "Беломорские узоры". Отчет, стало быть, наверх. Просим познакомиться с производством, с жизнью старинной традиции. "Николай Александрович Окулов", — представился он, улыбнулся приветливо, синеглазо. Фамилия распространена в Олонецкой губернии издавна. Так звали олонецкого священника, который во времена царя Петра водил паству в партизанские рейды по шведским тылам, приносил трофеи — рейтарские знамена, оружие. О том Окулове Петр Великий — редактор первой русской газеты писал в своем издании с восхищением и похвалой. А предание и поныне помнит дела попа Окулова.

Н.А.Окулов — мастер цеха игрушки. Но, кроме того, оказался, истинный краевед, завязтый рассказчик. Записываем повесть о здешнем промысле. Николай Александрович начинает ее "с праотец наших".

— Каргополь застроился раньше, чем сама Москва. Это первое упоминание о нашем граде в старинных книгах относится к 1146 году. А сколько веков проживали безвестно, только Богу известно! Город от веку славился богатыми торгами, тороватыми купцами: здесь одна из главных российских росстаней, перекрестков былых путей. Кто на север шел, на юг ли, на запад или восток — Каргополя не миновал, наших широких ярмарок. А вокруг города — крестьянские кулиги, сеножати, лядины, нивья да малые милые поженки. И крестьянину тоже деньга нужна. Хотя и родится хлеб, и на соху надежды не теряли, да подать царю надо копейкой платить. А где ее, денежку, взять? Глину копали. Наделают горшков, кринок. Мис налепят, накрутят на гончарном круге.

Я и сам из черепников — неподалеку от Каргополя родился. Живую копейку мы, скудельники, еще на моей памяти, в довоенные, значит, годы, добывали. Каргопольская посуда славилась. "И кремлевская стена из каргопольского кирпича!" — старики говаривали. Ну, это они, может, и придумали. А вот белокаменные города — те точно: из нашего онежского известняка, что белее мела!

Были, конечно, и другие ремесла, кроме нашего, гончарного. Печники, плотники,

столяры. Живописцами ходили по деревням — кому прялочку расписать, кому домовый фасад. У Межупечья, возле Калитино — старинный центр медного литья. Во многих селах — кузницы. Были золотошвеи, вышивальщицы. В Каргополе церковей, часовен — как лес шумел. Всякому купцу лестно храм поставить. А украшали, расписывали свои мастера. Да свои же и становили.

В мастерскую стали возвращаться с обеденного перерыва рабочие. Зажужжали гончарные круги. Заухал, перемешивая дикую глину, электропривод. Николай Александрович прикрыл дверь в цех, поудобнее устроился за своим столом. Видим уж, вошел во вкус рассказа. Приободрились и мы. Продолжили запись.

— Наше село зовется Гринево, Печниковской волости. У нас и сроду все — гончары. Отец — черепеник, дядя — горшеня вековечный. Глина, выкопанная за околицей, привезенная во двор — ничто. А ты уважь ее трудом, просей да промни. Каждый комочек согрей трудом. Тогда она войдет в настоящее предназначение. И ты восчувствуешь ее мягкость и красоту. Заработки у нас, правда, известные: кто мнет глину, тот ест мякину.

Крутили мы на гончарном круге много-различную скудель: кринки-молочники, горшки-цветочки, прямушки, латки для топленого молока. Лепили, конечно, роговики-"баранчики". Делали рукомои — на два рожка и на один. Глиняные сковородки с крышками. Жарюхи. Горшки-кашники. Для хлебной квашни — квашонки. Эти — большие, чтобы на семью хлеб замесить. Семьи были не нынешние. Сядут за стол человек двадцать, иной раз — больше. Да своей-то семьей — редко. Девушка-племянничка из иной деревни в гостях живет. Работники, ежели дом прожиточный, тут же. А то калики переходные идут на Соловки из Москвы ли, из Киева. Народу за столом — дождем не смочить.

В латке нашей работы, бывало, мясо варят — на залесной нивке пахарю знатко. Густой дух от варева. И на избяной полке-матце глиняная посуда с медными эндовами, гранеными братниками, скобкарями, ковшами красотой поспорит. Ее чистить-тереть не надо. Вымой — и хороша. А разобьется квашонка-старушонка, берестой опеленая, стянй скальем березовым — опять молоденькая. Новый век послужит.

Снимем кувшин ли, кринку с круга. Малую масленку, солоночку крохотную. Смочим парным дегтем. Присыплем порошком из шлата со свинцом, дробленным в ступе. Этой мучкой обваляем посудинку. Высушим и оботрем, в жаркую печь определим. Пос-

ле обжига зацветет горшок зеленой поливой, как майский луг.

Я сызмалу отцово, дедово уменье переянял. Посуда, игрушки-бавушки поманивали. Знаменитый игрушечник Иван Васильевич Дружинин нам дальняя родня. Теперь скажут: "Седьмая вода на киселе!" И рукой махнут. А на ту пору звали уважительно: "сердоболь"! Свои — не свои, а сердце и о нем, мол, болит. Отсылал дед Иван бавушки в Москву, в Питер. Приезжали к нему из больших музеев. Дедушко велел:

— Учись. Над душой висеть не стану. Словами дела не расскажешь. Приучай пальцы к глине, глаз к красоте. Чему научишься — твое. С Господом все просто. Размял глину лопатой, да поусерднее. Отбил в корыте пестом, чтоб ни комочка. В руках согрел многажды. И персты вымой.

Лепи из одного куска. Ополаскивай в черепке. Будет конус. Впоперек валик налепи — вот так. Будут налепом у глиняного мужика ли, бабы — плечи и руки. Нос приладь, тоже налепом. И теперь щекоти глиняному старику под подбородком — взбивай глину! И будет у него сама собой бородушка скобкой, этаякая у всех каргопольских дедушек ли, полканов. И при обжиге сроду не отвалится. Опять руки вымой. Немалое сотворил: человека.

Полкана называем — китоврас. Ученые люди говорят: кентавр. Наполовину человек, наполовину — конь. Побегивали такие у нас, говорят, в старину по здешним овсяникам. Полохали народ. Дороги не разбирали, напрямки ходили век. Только повинное, ласковое слово их и останавливало. Пусть он и у тебя россмехнется. Да сам-то не хмурься, когда запятую-улыбку делаешь гвоздочком, будет тогда Полканушко твой приветен. Всяк ему в ответ улыбется. Опять руки мой, не забывай. Всего-то и дела — руки в чистоте держать!

Любили делать игрушку — медведь скачет из темна бора на лихом коне. Зверь лапы воздел, ревет, бедный! Боится упасть с холки коневьей — не стоптал бы конишко. А лошадушка бежит, голову клонит: "Ох, кабы не съел, лютый! Откуда и упал на спину-то. Сроду более в темен ур не сойду, в синь лес заречный". А на деревне, увидев эко диво, пономарь на звонцику взлез, в благовест ударил: не иначе воевода на коне едет — шуба медвежья! Вот так... Сделай, чтобы люди, на твою игрушку-бавушку гляючи, сказку вспомнили. Возрадовались чистым сердцем.

Обжигали игрушки в печи. Сложим дрова костерком. Башенкой, значит. По краям, вокруг березовых, осиновых сухих поленьев, у нас — игрушки. Полканы, сирины со свистульками. Бабы с ребятами. Гармонисты с гармониями. Тройки коней, в сани запряжен-

ные. Из саней-пошевней головенки — что опенки. У нас весело плодились. Семьи могучные.

Поленья разгораятся — игрушки греются. Скоро нельзя — разорвет. А станет угольев полна печь — игрушек промеж них не знать. Таковы же уголья. На просвет видны. И темна бавушка, от уголья шающего на отличку — стало быть, зябнет, ее к огню придвинь. Ну, довольно тово. Неторопко, вместе с угольем пусть остывает. А ты покудова Николе-угоднику помолись. Он от веку нам, мастерам, терпение и талант дает.

Краски делали когда из чего. Черную — из печной сажи. Белую — из мела. Красную — от клюквы, синюю — от васильков. Охряные цвета варили из коры дуба, ольхи. Разводили, конечно, на молоке. Оно крепость дает, не сойдет краска. Стал учиться кисточкой работать, понимать, как узор положить, чтобы краска с краской не спорила, да и не дремала. Пела бы в голос. Теперь пошли краски из магазина: темпера, гуашь. Они звонче.

И все-таки главное для нас, черепанов каргопольских, горшки да кашники. Ребятишки у гончарного круга выются: "Кольша, игрушку!" — "После работы ужю". Вечером соберется семейство у светца. Тут, за беседой, в забаву, чего и не вылепишь, в посмех-то! Всякой лихорадки. Руки понимают скудельную работу...

Торговать горшками, игрушками мастера сами ездили. Собирались-сбивались неторопко. С лошадьми куда как ласковы: им везти — не трясти хрупкий товар. Упаси Бог какое дурное слово хамкнуть, тут тебя осадят: "сердитый да ерсливый с горшками не ездят!" Телегу меленькой, мягкой овсяной соломой выстелют. Колеса дегтем смажут. С собой возьмут ведро-дегтярницу с квачом. В село ли, в град Каргополь, а то и в сам Петрозаводск, на Петровскую ярмарку, правимся.

Гончары на торгу закричат весело: "А вот — приехали плотники без топоров, срубили горенки без углов!" Покупатели и возов развезать не дадут. Столь плотно вокруг телеги ли, саней встанут. Мы не только деньгами брали. Рыбой, репой, капустой. Яички принесут в решетках. Бабы — те с холстами, с полотенцами шитыми. А недорого большие квашни продавали, ей красная цена — мука: сколько в квашню поместилось по ободок, без верха.

Еще и на моей памяти торговали мы, черепенники, в Каргополе, у белого Христорождественского собора. И у того, что Иоанна Предтечи, у высокой голубой колокольни. Разложим товары — молостова, подойники, баранцы, махотки — все из глины, своедельные. Бывали некоторые удалы: спелят глиня-

Цикл игрушечника А.П.Шевелева "Быль о хлебе".

ный самовар! И с крантиком. А глиняные игрушки — их ставили на особину: сделаны на роздыхе, для ребячьей радости.

Возвращались в гостиницу, покачиваясь от усталости, от обилия впечатлений дня. Небо золотое, как на иконе. Тяжелой чернью наведены по нему силуэты храмов, домов, куп деревьев.

10 августа.

Еще раз убедились: фольклор един. Есть только его разновидности. Думаем, не в ущерб устному искусству памяти увлеклись мы здесь изобразительным фольклором, глиняной народной игрушкой. В ней ведь тоже воплотилась память — и славянская, и "чудская", отзвук жившей здесь финно-угорской культуры. А за ними различимы

контуры воззрений и других народов Евразии. То же и в речи. И даже в памятниках деревянного и каменного зодчества — архитектурном фольклоре. То же наличие слагаемых-мотивов, то же обязательное для длительного существования наличие вариантов... Виды фольклора — формы народной культуры, определяющие духовный облик предков на их пути в поисках Правды.

Впечатлила встреча в мастерской. Вчера до поздней ночи мечтала об очерке, посвященном здешним гончарам. Сделать бы его стилизованным по языку. Привлечь этнографические, археологические материалы... Огромная, но интереснейшая работа, и кто-нибудь когда-нибудь на нее обязательно выйдет. Может быть, и мы. Сегодня же встретились еще с одним носителем, хранителем умения старинных мастеров Каргополья. На этот раз — с Александром Петровичем Шевелевым. Беседовали с ним сначала в казенной мастерской. А потом были приглашены и домой.

Александр Петрович — сильный и добрый человек. Этим похож на героя поморских преданий Ивана Лобанова. В летах: ему за пятьдесят. Видели его портрет на Доске почета среди местных орденосцев, участников войны. Там он рядышком с Н.А.Окуловым. Крупное лицо, высокие залысины, внимательный взгляд. Человек прошел через все испытания времени, а выразить себя сумел через хрупкое искусство керамиста-игрушечника.

Сидели на солнечной веранде у Шевелевых. Любовались его произведениями. Некоторые из них — подлинные оригинальные скульптуры (миниатюрная группа "Гусь и собаки", например). Есть и вполне традиционные "тройки", "тяни-толкаи" (двуглавые эти существа, оседланные двуглавыми же всадниками, навевают аналогии и с древнекитайской скульптурой, и с мотивами каргопольской вышивки. Идут "по рыжики" уморительные старички, сами похожие на боровиков широкополыми шляпами; леший с собаками; лесовик с ружьем. И у всех остроконечная "фессалийская" шляпа, характерная борода "фрезой", тоже из античности. А вот сюита А.П.Шевелева из десяти композиций, которую мы тут же прозвали "Сказ о хлебе". Последовательно повествует этот цикл, "глиняные комиксы", о том, как он достается, хлебушко. О том, как выжигали нивку в лесу. Как корчевали пни. Как вспахивали — "орали" — пашенку. Как боронили. Вот добрый старичок идет уже с севатком. Ложатся золотистые семена в землю, "взбитую, как перинушка". Вот жнут. Вот молотят. Вот мелют хлеб на ручном жернове. Потом появляется игрушка, где в печи-матушке зреет молодой ка-

равай. И, наконец, села за стол огромная семья. И старший, "большак", от груди нарезает щедрые ломти на радость всему роду-племени. Внимательно зарисовываем в путевой альбом эти "игрушки" — энциклопедию и поэму крестьянского труда. Выпадет же счастье какому-нибудь музею купить это сокровище! Посодействуем, как можем.

Шевелевы из старой гончарской семьи. Ныне лепят игрушки и сестра Александра Петровича, и зять, и даже внук Вася приобщается к древнему ремеслу. Старший сын мастера окончил в Питере художественно-графическое отделение Герценовского института. Дипломной работой молодого художника-педагога стала картина, изображающая некоего юношу, ловящего крылатого коня — Пегаса. Отец же трогательно повествует нам об усердной лошадушке, которой надо было за весну сменить три хомута. Таков путь семейной традиции в наше быстротечное время: от пахотного коня до быстрокрылого Пегаса, который стадияльно ведь намного моложе каргопольской архаической игрушки. Здесь, "во граде на востоке моря, дышущего окияна", сама древность говорит с нами внятными языком вечной красоты.

Хорошо бы зарисовать эти игрушки в цвете. Снова залетели в мастерскую. Включена электропечь. Идет обжиг принесенных гончарами игрушек. Записали принятый здесь режим. Сначала миниатюрные скульптуры прогревают. Дают остыть. Потом доводят температуру в печи до 1000 градусов. Серовато-пепельная глина приобретает нежный телесный оттенок, просвечивает насквозь, как изысканнейшая красавица русской волшебной сказки, представленная в так называемом "рентгеновском стиле": "на просвет видно, как из косточки в косточку мозг переливается!"

Мастер зрит, насколько "пропеклась" игрушка, исследуя сколы, трещины, которые в больших партиях керамики неизбежны. Обжиг, как и все другие операции в мастерской, ведется "на глазок". На то оно и искусство, да еще народное!

День жаркий. Воробьи, разинув клювы, купаются в горячей пыли. Записываем нутолимо рассказы о чуде, легендарном народе, некогда жившем на берегах северных рек, морей...

11 августа.

Отдел культуры райсовета затворен. Видно, сотрудники подались "рыжики ломать". Мы — к секретарю учреждения: командировочные удостоверения отметить. Чиновник хмур.

В старом белокаменном доме и до революции было уездное присутствие. Приятно округлы формы здания, текучи линии потолков, окон, перил. Провинциальный модерн в чистом виде. Начало века, хотя стены выложены средневековым известняком. На матовых окнах, на стекле дверных проемов — надписи полузабытым, с “ятями”, шрифтом. Сидели здесь такие же чиновники, как нынешний препечальный секретарь.

Впрочем, старинного секретаря уездной управы мы видели вчера вечером, на портрете в доме Ивана Викторовича Воронкова. Это был его, старика, повествовавшего нам о чуде, наступавшей на град Каргополь, молодой отец! Представительный господин, бородастый и свежий, с юношески пухлыми губами. В шюртуке.

Сходили к Леониду Ивановичу, здешнему бывшему телеграфисту, принявшему, говорят, в Каргополе исторические документы в 1917 году. Его тихий домок на Заводской, 44. Самого не застали, поглазели только на телеграфный аппарат с ярко начищенными медными частями, который свято берег отставной связист. Старенькая его жена показала нам его литой, тяжелый значок Союза Михаила Архангела с изображением святого крылатого покровителя земли Русской.

В этот день подарила нам судьба рассказчика, ровесника века Андрея Ивановича Млюнко. Интересен он тем, что — потомок ссыльного поляка. Память о сподвижниках Т.Костюшко жива в самых разных уголках Русского Севера, в Сибири. Для нас это — дополнительная краска многообразия обозреваемых краев...

Небольшой домок на окраине Каргополя, самый обыкновенный, и Андрей Иванович, и его супруга — типичные каргопольцы. Но вот в разгар нашей беседы раскрывается дверь, и входят две прелестные панны — золотые волосы, тонкие черты лица, нежная кожа... “Это у нас в роду бывает! — заметили наше смятение старики. — Рождаются такие вот краковянки!”

Нет, прадед не был повстанцем ни XVIII, ни XIX века. Не был и революционером. По семейному рассказу, служил он в гвардейском полку, стоял на посту в покоях самой Екатерины II... Пора братья за магнитофон! И вот предание о строительстве соборной колокольни в Каргополе, осуществленном в 1767 г. на средства, пожертвованные Екатериной II, пополнило нашу лекцию. И дальше в древность: о происхождении названий: Каргополь, Шихина гора, озеро Лача.

В Ошевенск

В полпятого вечера — на автостанции. С боем добыли билеты на ближайший рейс, в Ошевенск. Едем! Каракули прыгают по листку записной книжки, в такт скачки по ухабам и рытвинам грунтовой дороги:

“1. Д.Зажигино. Дом под односкатной крышей, со ставнями. Старая рубка. В иных местах таких не выдвали, обычно — двух- и четырехскатные у нас кровли. Слева, за дальними “нивьями”, интересная церковь. Судя по всему — знаменитая Саунинская. Та, которую мы видели прежде лишь в альбомах по искусству.

2. Болухино. Опять — молодой сосняк. Линии электропередач. Мелькают придорожные указатели: Рябово, Полуборье, Ольсеево, Черепаха (то есть живут “черепане” — гончары?), Поздышево, Спас, Река. Названия все знакомые — отсюда родом многие каргопольцы, встреченные нами в Граде.

Низенький лес. Прямая дорога болотистым краем. Само же историческое селение — прославленное в Житии святого Александра Ошевенского, ставшее местом полмищества северян, — расположилось на привольных холмах. Нанизано на льющуюся меж них дорогу, пересеченную речонкой с бревенчатым мостом. С востока на краяхике чернеет бор. У подножия его белеют ветхие стены монастыря, граненый остов былой колокольни. Побывали мы и там, за низкой стеной нашли в диком малиннике заброшенный колодец с подобием надколодезной часовни. Сколько таких заброшенных монастырей “на Святой Руси”...

Да, хороши прогулки по святым местам, но ведь и “к ночи” надо где-то пристать! Идем к высокому дому, где на повети работает хозяин. Что-то хмур он, не очень-то любезен. Ссылается на хозяйку: мол, на дух она не переносит нашего брата. Лютая! Но вот появляется улыбчивая хозяйка дома — и все устраивается наилучшим образом. Вскоре сидим за здоровеннейшей сковородкой с грибами. Нам уже и светелку показали, из которой будто вот только что вышел разметавший все вещички младший сын хозяина. Тот, что уже второй год проходит службу в стройбате.

Своеобразные отношения между супругами Поповыми, к которым мы “пристали на фатеру”. Анастасия Андреевна прикидывается вусмерть напуганной всечасной угрозой быть безжалостно убитой тишайшим мужем. Он же смущается перед посторонними людьми. Глядит в окно долго, пристально, положив небритые щеки на крупные ладони. Жена поддевает мужа за то, что, по ее мнению, он жутко скуп, самолюб

Каргопольская белокаменная церковь Рождества Богородицы. 1680 г.

большой, потому как из кулацкой семьи! А она простая, чистая душа — беднячка вечная. Такими были и деды-прадеды! Он опять заливается краской, терпит. Это — старинная любовная игра. Но рядом чувствуется и какая-то иная, неизжитая драма.

Так и оказывается: старший сын погиб под поездом по-пьяни. До этого отличился: бросил "в несчастном положении" женщину. Мать считает, что его страшная кончина — наказание Божие за грех. Теперь с второй сын не хочет расписаться с девой, с которой "дружил" до армии. Мать боится за него, пьяницу и безбожника. Зовывает "невестушку" в дом. Денно и ночью мечтает о свадьбе для молодых. И — тратит денежки на наряды для "молодой", скупая крепдешины у спивающейся учительницы.

Нам же она немедленно заказала позолоченные кольца — чтобы мы купили в городе и ей прислали. Молодым — два, да и ей тоже: оказывается, чтобы коровушка хорошо доилась и была весела, должно быть у хозяйки на пальце колечко. Интересная, между прочим, этнографическая информация. Об этом нигде никто вроде и не писал! Так

вот, выслушивая огромное количество всяких рассказов, вдруг да и услышишь что-нибудь стоящее. То, за чем ехали. Набредешь на обычаи старины, напоминание о ней...

Возле нашего обиталища крутится, пенится речка Чурьёга. Та самая, которая чуть ниже по течению, по местной легенде, упадет в твердь земную, по закланию св. Александра Ошевенского, изобуженного здешними злыми людьми. "А живите вы ни серо, ни бело, у воды — да без воды!" — скажет в сердцах. И речка уйдет в дивные здешные карстовые пещеры, чтобы выйти к солнышку далеко в лугах, в соседнем селе. Легенда не соответствует Житию. Пришел основатель монастыря не к чужим людям: сюда переселился из белозерских пределов его отец, старый Ошевен, со всей немалой семьей. И в монастыре завел св. Александр "семейственность", определив келарем и пономарем собственных племянников. Правда, они вскоре вернулись "в мир"... Давно дело было — в XV веке.

Идем подернутой рябью холмов равниной, рассеченной перелесками, полями. Стелются овсяные, ржаные, льняные нивы

совхоза "Ошевенский". Тянутся деревни — Погост, Михеево, Низ, Большой и Мальей Халуй. Еще дальше — милое селение со страшным названием Гарь, потом — Бор... Вечереет. Готовится гроза — погромыхивает и взблескивает за окоемом. Воздух насыщен электричеством, оно потрескивает в волосах...

Навстречу вдоль межи бежит, как девчонка, наша квартирная хозяйка. В руках у нее — серп, за спиной — мешок травы. Остановилась поговорить — будто век не выдвинулась получила мать письмо от сына. Тот вопрошает ее, нравственно ли, "честно" ведет себя его невеста. Мать, конечно, не сообщит ему, что деву обхаживает сосед: "А уж страшнóй-то!" Бедная женщина! Сколько у Анастасии Андреевны хлопот. С завистью смотрит на молодую пару, живущую в селе, зоотехника новоприезжего и библиотекаряшу — юную семью... Думаем: а ведь она по-своему глубоко любит и непутевого сына, и мужа, скупого на слово. И — не спрашиваем ее ни о чем, не домогаемся ни преданий, ни легенд. Смотрим ей вслед, она оборачивается, машет рукой с серпом, как на политическом плакате...

12 августа.

Встали утром раним-рано. Умылись в своенравной Чурьеге-реке, одной на весь белый свет (кто еще слышал в иных краях об исчезающих и вновь рождающихся из земли речках? Мы не слышали...). Снова идем деревнями, заговаривая со всяким встречным. Нас интересуют и старинные, взблескивающие слова, и, как всюду, легенды, предания. Ну и архитектура народного жилища, вообще — этнография... Ведь слово устной народной прозы тесно связано со всеми проявлениями крестьянской жизни. Драгоценны названия троп, ручьев, полей. Оживает быт, принесенный сюда новгородскими, потом московскими новоприходцами. В топонимах ощутима жизнь тех, кто охотился и рыбу ловил здесь задолго до славян, — таинственной "чуди".

Здесь, в Ошевенске и ближних к нему селах, увидели мы несколько "рудных", т.е. "по-черному" топящихся изб. Прекрасно сохранились, красиво смотрятся тесовые коробы дымниц — деревянных "труб" с пропиленными, орнаментальными отверстиями. Дымницы в Занежье, судя хоть по дому Елизарова в Кижках, выходили в потолок над печью, в прорубленное там "заволакивающееся" дощечкой отверстие дымника. Здесь дымница — с внешней стороны входной двери, с сеней. Короб дымницы врублен здесь, в Каргополье, в стену. Двойной шрам врубки можно видеть и теперь в домах, дав-

но уже топящихся "по-белому", имеющих "нормальные" кирпичные трубы.

Жители больше не нуждаются в сушилке — курной избе. Не вешают на потолочных брусьях, под матицей, заготовки для санных полозьев и дуг. Не сушат шкуры и т.п. Но изба, переделанную из просторной "черной" в "белую", не натопит зимой. Догадливые каргополы прирубили к высокому, на бревенчатом подклете, дому-"жирушке" маленькую "зимовку". Получился "глаголь" из двух изб — летней и зимней, как нередко бывает на крупных северных погостах, где есть и зимняя, и летняя церкви. Огромная летняя изба подчеркивает грациозность, уют зимней, маленькая — впечатляющую монументальность большой.

В старых курных избах есть и еще одна новинка для нас: "ставенка". На зиму в небольшое северное окно вставляли широкую деревянную раму с крошечным, умильным окошечком. Ну, и замеченная еще в Колодозере, на востоке Пудогги, частность. Здесь тоже в наличии: рубка срубов с двойным пазом венца. Верхний и нижний пазы выбираются в каждом бревне до половины, другая часть остается круглой; затем они укладываются "валетом". Не нужно и потайного шипа вбивать между венцами. Сруб абсолютно неподвижен, слитен. Зато, говорят, в нижний паз может попадать вода. Но избы стоят как литые. Еще бы, наполовину как-никак состоят просто из круглого леса, с неподдающейся гниению заболонью — верхним слоем древесины, которая самой природой определена защищать дерево от влаги, выветривания.

Здесь впервые увидели и коневые бревна, заканчивающиеся над фронтонами конскими головами. Где-то мелькнули даже олени физиономии, на манер домов в Мезенской или Пинежской округе. Зарисовываем декор, нарядные крылечки, причелины, гребни — резьбу, венчающую охлупень. Все это как-то особенно монументально. Декоративная резьба здесь, как и всюду на Русском Севере, пропиленная.

Деревни украшены березовыми аллеями. Березы и на дворах. Виднеются колодцы с "журавлями" — высокими рычагами, при помощи которых вытягиваются наверх бадейки с водой. Какие еще особенности? Ну, избы отгорожены от "бабьего кута", угла против чела печи, шкафами. Это предки нынешних городских "стенок", мебельных гарнитуров. На филенках шкафов, дверей в горницу — росписи "букетами" — травная северная свободная кистевая роспись.

Первые видели (в доме бывшего купца Козырева-Дружинина) столешницу, расписанную цветами-"букетами". Такая же роспись

на фасаде дома торгующего крестьянина Г.А.Ушакова (надгробье этого памятного землякам человека сохранилось в Ошевенском монастыре). По обе стороны вазона с цветами — два льва. У одного голова повернута в анфас, у другого — в профиль. Оба — на цепи, протянутой к вазону.

Под этой фронтоной росписью надпись: "Сей дом писан Г.А. ..." Фамилия стерта. Возможно, во время экспроприации. Гордился "писаным", т.е. расписным, домом Ушаков. Давно осиротело крестьянское гнездо. Но живописные львы хранят память о хозяине.

Дойдут руки — придут сюда, к старому монастырю св.преп. Александра Ошевенского, как прежде, паломники, а в край древней крестьянской культуры — любители родной красоты. Возродят былую славу этих мест. Известна икона св.Александра, на которой изображены дивные шатровые храмы и хормоны строения Ошевенска. Стало быть, плотницкая слава этих мест была ведома предкам, ценима ими. А пока здесь все — в последней стадии умирания...

По крайней мере, предания и легенды спасем — весь этот день неутомимо крутились кассеты нашего магнитофона. Даст Бог, будут и научные, и литературные их публикации. А в фондах фонотеки Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН сохранятся и живые голоса наших рассказчиков, сведения о них.

13 августа.

Понравилась былые купеческие "торговые точки", уцелевшие здесь, в Ошевенске. Одна из лавок поныне "работает магазином". Живы здесь детали великолепного интерьера. Сводчатый потолок. Массивный прилавок великолепной работы, радующий округлыми очертаниями, переливающимися в возвышенную над прилавком контурку с точеной балкострадкой. Все — из мореного дуба. За прилавком — матовое стекло с красиво выведенным старинным шрифтом словом "контора". Добротню поработал краснодеревец, получивший подготовку где-нибудь в столичной мастерской. Имени мастера не помнят. А купца знают: Козырев! Говорят, величался купец: "На какие деньги создал экую красоту? На медные поллушки! Каждому недодал по грошу — сколотил капитал!"

Имени-отчества купца, жившего в начале века, не помнят. Зато как звали-величали женку его — сказывают: Глафира Васильевна слыла. Козырев привез ее аж из Нижнего Новгорода. Была купчиха грозной нерадивых приказчиков. Умерла молодой, бездетной. Судя по рассказам, была той, кого мы назы-

ваем "кустодиевской женщиной" — высокой, полной, белотелой, румяной.

В деревне Большой Халуй подошли к хлебному магазину, где народишко поджидал подвоза товара. Эпические старухи, сидевшие рядком на скамеечке у крыльца, нас не заметили: были поглощены завлечением собаки, которая в неуверенной надежде на подаяние опасливо к ним приближалась. Не верило ей ласковым голосам, и не зря: как только приблизилась на длину клюки, тут же получила увесистые удары. Старухи подняли на нас обрадованные успехом иконописные лики: "Здравствуйте-ко, баженые!" Но мы говорить с ними на наши темы не смогли: вой обиженной псины наш собирательский пыл погасил. Вот так же, небось, далекие предки этих бабушек встретили "риповатого" — оборванного — монаха, который, по легенде, заклил за то речку Чурьегу.

Неподалеку, на зеленом дернистом откосе у деревни, познакомились с чудным старичком Петром Степановичем Третьяковым. Он, по его же словам, "человек гонимый", земляками не понятый. Сельчане за "многобытный" — любознательный — нрав называют его "корреспондентом". Окружающие толком не дают поговорить: жена кличет, бородастый здешний землемер минутно зовет в баню. Худенький, маленький старичок все-таки утоптал с нами к тому самому месту, где некогда заклиная св.Александром Ошевенским река ушла под землю, как мифическая чужь... Есть и теперь, говорят, место в чистом поле, где темной ночью иногда мелькает огонек, указывая тот заветный клад, из которого "носить — не выносить, возить — не вывозить". Слышим от Петра Степановича и предания об основании ошевенских деревень. О былых олонечских губернаторах. Об их конях, экипажах.

Знаем: запах привянувших трав на пожнях, мучнистый дух стареющей картофельной ботвы, дома на высоких подклетах с четырьмя окнами по фасаду будем помнить, как и каждого собеседника. Стоит у забора — редких жердинок, укрепленных на двоянных, перевязанных ивовыми вязями кольях, невысокий, как большинство каргополов, старичок. Свежее розовое лицо. Бородушка круглая, белая. Любит старичок расчесывать бородку, а то — белые же волосики над крупым гладким лбом, как водяник в быличках. Не прочь "разбеседоваться". Это кстати. Живет неподалеку, вон в той маленькой избушке.

Он, Павел Николаевич Камкин из деревни Низ, старик неложный: ему 75 лет. Бывал, как и все его ровесники, на всех войнах нынешнего времени: и на первой, и на второй

мировой, и на гражданской. И на иных... А старушка у Камкина "не родная" — не первая. Да и домишко не его — горел родовой дом. В его недалежней лесной деревне сильных, дружных между собой людей называли "поляками". То ли ведут они свой род, как случается на Севере, от поляков—"панов", хорошо помнящих Смутное время и разбойников гетманов Сапеги и Лисовского. То ли сложнее дело обстоит. Ведь "поляковать" в некоторых говорах, в языке былин, значит — жить вольно, свободно. Передаваться удали молодецкой. Наши богатыри "полякуют" в чистом поле. А "панями", случается, в севернорусских преданиях называют и поляков, и мифических предков.

Предгрозовая духота достигает предела — дышать нечем! Хотя бы скорее ливень, гром и молнии, чем такое... Переходим мост через речушку. Старинный, на бревенчатых ряжах. Навстречу движется женщина с копной сена за плечами, укрепленной на косовище. И блискучая коса, поднятая сверху кончиком остря, разрезает перед ней воздух, как форштвень корабля воду. Красиво идет. И ухватка у нее, нами прежде не виданная. Возле крайнего дома познакомились с дедушкой Петром Николаевичем Поповым. Он седоус и вислопчек, похож на Тараса Бульбу, каким мы представляем его себе по рисункам художника Кибрика. Просторная блуза перехвачена ремешком, а взгляд растерянный — разводит руками сокрушенно. Убежала куда-то лихая коровенка. Бойтся дедушко нагоняя от дочери Клавдейки.

Но вот появляется Клавдия Петровна, красивая молодая. Оба, забыв о потершке, рассказывают нам предания, в том числе и об Иване Лобанове. Он у них — "проходец". Слово это они употребляют в положительном смысле: много видевший, много прошедший человек был Иван! В их рассказах он — проповедник рационального ведения хозяйства. Ратует за ремесленное развитие. За товарное, так сказать, животноводство, — пахота не прокормит... Поповы и Ваню-силача, борца в архангельском цирке, знают. Крестьянский богатырь, живший еще на веку наших рассказчиков, становится героем целого эпоса. Превращается в демиурга, учителя жизни (ему предшествовал так называемый культурный герой). Надо бы написать об открытом нами "лобановском" эпосе и повесть, и исследование. Верим: сделаем это...

Знает дедушко Попов и о святом Александре Ошевенском. Но и тут осложняет, дополняет сюжет: появляется у святого родная сестра. Это она, мол, и принялась притеснять крестьян, отторгать земли в пользу мо-

настыря, а Ошевенский, святой человек, тут ни при чем! Помнится, исследователь эпической традиции на Русском Севере А.М. Астахова отмечала наличие трех видов певцов: одни исполняют тексты в том виде, в каком "переняли", другие — дают свою редакцию былин, третьи — импровизируют, опираясь на традицию и даже отходя от нее. Если приложима такая классификация к нашим рассказчикам, то Петр Николаевич — импровизатор, творец...

Новый наш знакомец, Василий Тимофеевич Соколов, — красивый старик из деревни Гарь. Увидели его близ магазина, от которого несло духовито — свежеспеченным хлебом. Этот огромный дед в белом халате (на Деда Мороза похож!) брал из фургона в охапку сразу по двадцать буханок, каждая из которых тянула килограмма на два. Дочь Василия Тимофеевича, здешняя продавщица, выдала отцу "под запись" каравай с румяной корочкой. И он повел нас в гости.

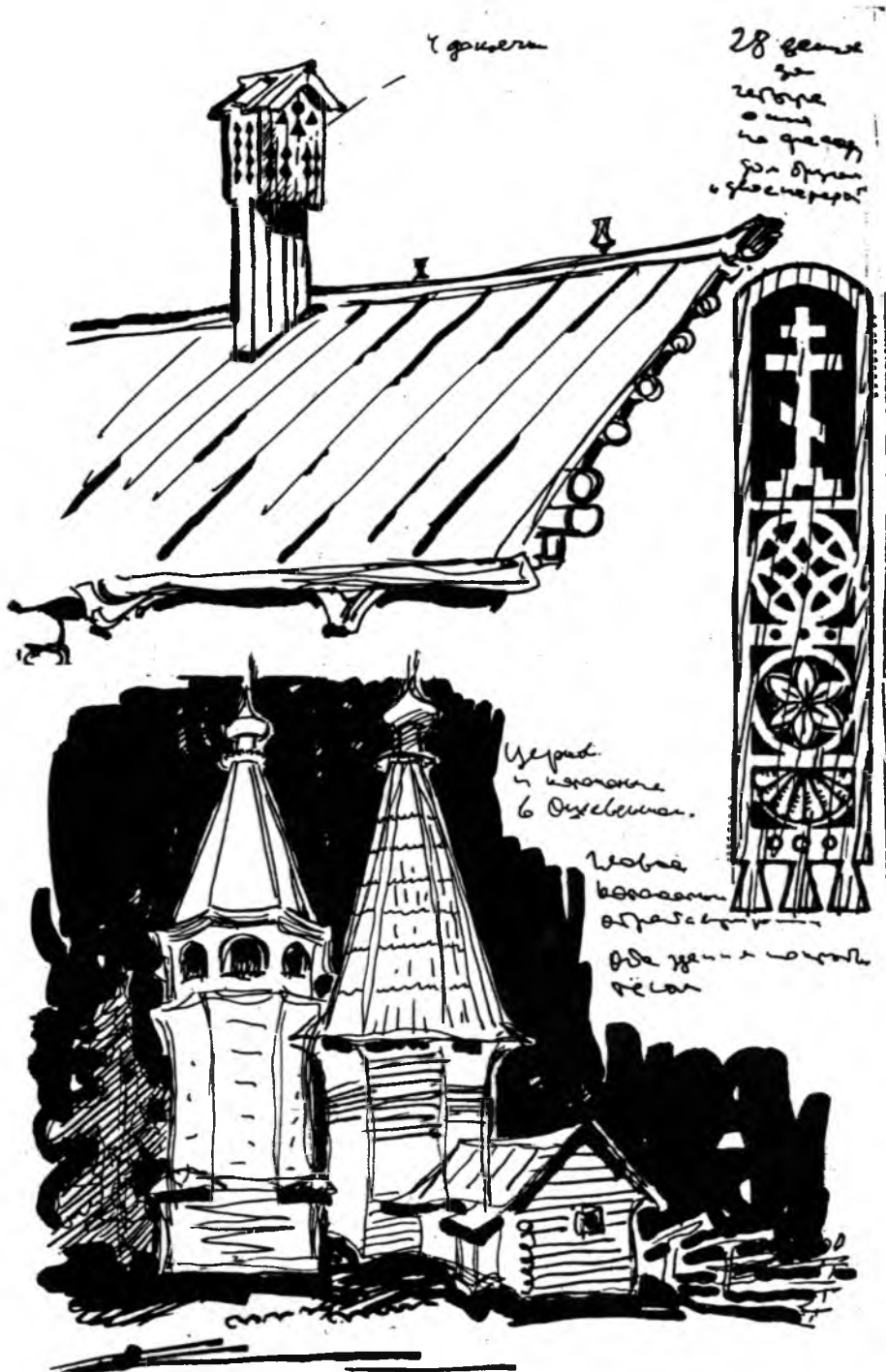
Войдя в горницу, взрадовались, что разулись, несмотря на возраст хозяина. Полы в доме — неправдоподобной чистоты. Восково-желтые, некрашенные, но надраенные голком так, как нам только в рассказах про старинное житье-бытье рассказывали: было, мол, в обычае!

За хрустально намытыми окнами зашумела (после жуткой трехдневной духоты!) освежающая гроза. И тотчас крошечная рядом с могучим мужем жена Василия Тимофеевича ловко завесила окна, боясь молнии. Здесь мы записали несколько отличных преданий — о заселении Ошевенского края, о Соловках, об Иване Болотникове, об Иване Лобанове, а также былички-рассказы о нечистой силе. И были приглашены к чаю.

Вместо карельских калиток в этом краю выпекаются пухлые шаньги — с картошкой, просом, творогом. На столе кислое молоко, черничное, малиновое варенье. Молоко топленое, с розовой пенкой. Чай из блистающего самовара, поющего на столешнице. Сахар колотый, с аппетитно острыми уголками. С щипчиками в хрустальной сахарнице. Рядом с красивыми стариками, в чистой пречистой горнице, с синей, в молниях "погодой"² за окном, чаепитие наше было уютно, надолго памятно. И здесь, как нередко бывало, мы оставили домашний адрес. И в гости звали.

И сразу вслед за этим — новая встреча. Нарочитая ироничность и двусмысленность постаревшего авгура. Нет, он не крестьянин, Иван Андреевич Полуянов. Он — сержант-чекист. (Через пятнадцать минут назо-

² В северных говорах "погода" — значит, наоборот — "непогодь".

В Ошвенке и ближайших селах встречаются еще курные избы с узорными дымоходами.
Древняя деревянная церковь с колокольней — гордость Ошвенки.

вет себя лейтенантом госбезопасности.) Но предания помнит и он. Старушка его клонит голову, засыпая под бодрые речи деда Ивана, а кошка у нее на коленях и вовсе размлела от премудростей нашей с дедушкой беседы. Но легенды слышим и здесь. И здесь продолжается чаепитие.

День опять просветлел. Разрядилось предгрозовое электричество. Стало светло, тепло, ясно, свежо от пролитого ливня. Идем за народной памятью. А каргополы косят, жнут, бегут с огромнейшими корзинами за рыжиками и обабками. Ребятишки вовсю купаются, хоть и прошел уже Ильин день, а "с Ильинки в воду льдинки". Тепла еще волшебная Чурьега-река.

Поздышево

14 августа.

Поездка перевалила за середину: купили билеты на обратный самолет, на 25 августа. Грустно: кончается маленькая жизнь — экспедиция. Но есть ведь и итог. И не только в пачке магнитофонных кассет да в этом дневнике. Надолго останется в душе Каргополье.

В этот день мы с утра — на ногах. Пишем эти записки аж с пяти утра. В половине шестого попили молочка у добрейшей Анастасии Андреевны. Денег не берет... Автобус догнал еще на пути в центральную усадьбу — остановился, прихватил. Пански воссели на самых удобных местах. Едем в сторону Каргополья, но сошли в Поздышево, не доезжая до Града. Поздышево — центр куста деревень, прежде волостной, теперь сельсоветский. Дома на высоких подклетах окружены старыми березами. В стороне ток. Туда мы потопотали — посмотреть, как молотят и провеивают молодой хлеб. День разгорелся жаркий. Не совладали с истомой. Прикорнули под бабкой снопов — сладчайше уснули под припеком посреди жнивья.

Осовелые от нечаянного отдыха под жарким солнышком, идем по селу. "Что ж не заходите?" — спросил возле магазина красивый длинноглазый юноша. С радостью узнали в нем внука Агапитовых. Тех, с которыми беседовали в Каргополе. Паренек повел нас в дом, виднеющийся в конце шумящей березами улицы.

В просторной избе, оклеенной обоями (белые крупные цветы на вишневом фоне — ситцевый узор!). Под небесно-голубым, крашенным масляной краской потолком целл оранжевый пол, блестит под лучами солнца, льющимися из окон. Сидели в этом ярком тереме три сестры, во девичестве Белухины — Наталья Ивановна, Анна Ивановна да наша знакомая — Екатерина Ивановна.

Тут же восседал и наш каргопольский рассказчик Андрей Константинович. Тот самый солдат прошлой войны. В бою контуженный, но старающийся сопротивляться беспмятности — рассказывающий предания.

В этом доме от трех сестер и старого солдата принялись записывать рассказы о нечистой силе, о Петре Первом и все о той же легендарной чуди, ее князьях и кладах, о местных силачах и мастерах-плотниках, гончарах-черепенниках, о житье-бытье во времена дедов-прадедов. Екатерина Ивановна рассказала о храме, ушедшем под землю... И вот, когда солнышко уже переместилось из одного ряда окон в избе в другой, простились мы с этими добрыми людьми, отправились дальше.

И попали к Федору Федоровичу Рогову. Чернявый прямой старик. Борода с проседью. Нос аккуратный, с горбинкой. Веки чуть припухлые, принависшие над очами. Заговорил неожиданно сильным, с богатыми, сдержанными модуляциями голосом. Чуть сутулясь за столом, поведал и он о местных силачах. В том числе о знаменитом Илье Носкове — рассказчик его знал, видел: "Дело было так. Ездили мы за бревнами в казенную дачу на Стопку-гору. Навалили возы, поехали обратно. У него лошадь не идет — не может поднять воза в гору. Осерчал Илья. Распряг лошадь, сам схватился за оглобли — и втащил воз в гору. Потом вновь запряг лошадь, сел да поехал..."

Слушали мы, записывали — и видели: из горницы глядит в приоткрытую дверь гость хозяина, человек явно приезжий, городской, безбородый, бледный; приехал Андрей Осипович Пақшин, как оказалось, из Северодвинска, — и тут мы окончательно потеряли к нему интерес. Но когда зашел разговор о легендарных первонаселенниках края, Андрей Осипович вступил в беседу: "Я, — говорит, — не знаю, кто она, чудь, мужчина или женщина..." И последовали редкие предания о чудских кладах и княжнах мифического племени, об основателях селений, силачах, разбойниках, о происхождении топонимов. Вот тебе и городской, "неперспективный". Он — здешний по рождению. С детства помнит, бережет в памяти предания Каргопольщины. Все-таки нет никаких возможностей вот так, "с налету", определить "наш" или "не наш" перед нами рассказчик. Причудливо выбирает народная память хранителей, ценителей.

И еще поздышевский наш собеседник — Василий Прокофьевич Белухин. Гвардии капитан в отставке, быллой командир батареи самоходных артиллерийских установок. Рассказал об основании поздышевских деревень неким Чудином, его четырьмя сыновья-

ми. Это предание прозвучало для нас так же эпически, как, скажем, легенда об основании Рима Ромулом и Ремом. Или Киева — братьями Кием, Щеком и Хоривом, сестрой их Лыбедью.

От ветерана минувшей войны отправились к местному писателю и поэту Николаю Ивановичу Белухину. Живет он в небольшом домике как раз напротив Федора Федоровича Рогова. Вечный пастух и завзятый охотник Белухин. Печатается в областных газетах — пишет стихи о природе, охотничьи байки, рассказы о приключениях лесовика. Ему за шестьдесят. Николай Иванович дополнил нашу "лобановскую" коллекцию. И рассказал о сестре Ивана Лобанова, такой же сильной, как брат. В его рассказе и погибает она, как брат: сестра "тоже боролась с одним борцом в архангельском цирке, и вот борец был (забыл, как его фамилия) Черная Маска, он ей в соску ударил, она от этого померла. Она тоже побеждала всех, здоровше была Ваньки Лобанова еще, Ивана..." В варианте же, рассказанном нам ранее В.Т.Соколовым, сестра погибает по злобе людей, позавидовавших ее сказочной силе. Подпилили недруги колодезный "журавель". Пошла дева за водой — и погибла под упавшим сооружением.

"Солнце меж тем уже село, и все потемнели дороги", как говаривал старик Гомер. Чудно выспались мы у трех сестер в разноцветном домике-тереме. Наутро были в Каргополе.

15 августа.

Про этот день и писать нечего. Приводили себя в порядок. Отдыхали. В каргопольской немудрящей гостинице пищат, бегают дети. Отчего-то день и ночь какая-то возня в комнате администрации, рядышком с нашим номером. Нет, в деревне лучше.

Вверх по Онеге-реке

16 августа.

Собрались в Чертовицы. Это вниз по Онеге-реке, на север. Надеемся отыскать Максима Ивановича Залесского, местного начетчика и знатока старинных книг. Попали на автобус чьей по части. Старинный тракт из Архангельска на Питер, о котором с одобрением писал еще ехавший по нему в 1842 году Элиас Леннрот, стелется в полях прямо — будто по плотницкому черному шнуру отбит. Чертовицы недалеко, километров десять. Остановка, говорят, отмечена купами старых берез. Оттуда к Максиму Ивановичу надо переправиться на лодке, через Онегу-реку. Левый берег низменный. Правый —

холмистый. Иногда — с выходами известковых пород — знаменитого каргопольского белого камня.

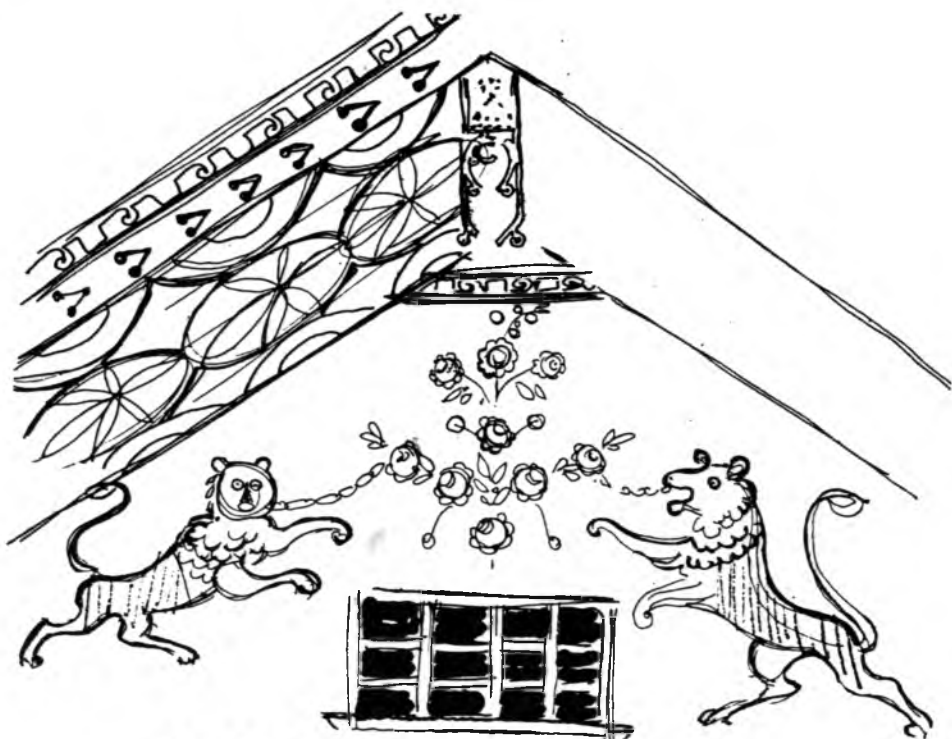
Приехали и с автобуса сошли. Побрели к берегу по иссушенной проволочной траве. Малохожена тропа. Это нас не радует: заброшенное место. Синеет недалекий лес. На берегу лежит ветхое "челно" — так здесь произносят слово "челнок". В недалеком нашем Колодозерье живет другая древняя форма этого слова: "челон". Ветер гуляет резкий, северо-восточный — "моряна" или "рекостав". Он задирает рябь речного движения на юг, в обратную течения вод сторону. Быстро бегут сизые тучи. Ближайшая рошица хмурится, на общем золотисто-зеленом фоне пробегают синие тени. Вдруг потемнеет — будто съезжится! — дом, один, другой. Опять расцветут под солнышком, выглянувшим из-за низко стелющихся туч. Избы заброшенные, накренившиеся.

Висят на серых от старости тесовых дверях кольца со стукальцами старинной узорной работы. Иные замки — древние "секирные". Из-под просечного орнамента блестит слюдяная подкладка. Встречаются художественные петли-"живочины". Сколько радости для художника, музейного работника! Но ведь нам-то нужны живые люди, их память...

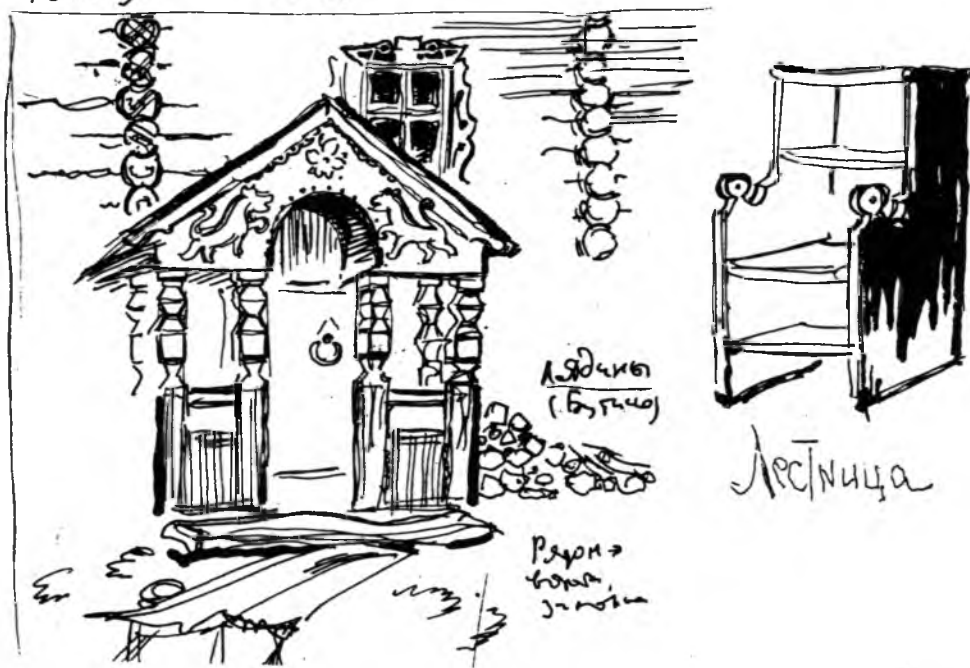
Нашли обитаемый домик. Хозяйка, Александра Алексеевна Нечаева, немедленно напоив молоком, усадила за стол вместе со своей большой дочерью Надей. И разрешила нам, незнакомым людям с большой дороги, взять на подержание единое свое богатство — ту самую лодочку-"челно", чтобы переехать на другую сторону реки Онеги.

Поднимались на высокий травянистый берег, когда навстречу вышел Максим Иванович Залесский в стареньком плащике и со здоровенной корзиной — обычной спутницей истинных каргополов в эту пору. Успел сбегать в лес, "наломать рыжиков и обабков". Попенял нам, что не приехали, как обещали, в воскресенье. Но все же пригласил в свой домик. Скромное хостяцкое обиталище. Но манеры хозяина — царственные. Оказалось, что "предания эти, легенды я критикую", "со здешними дураками общаюсь мало". В общем, не его, Максима Ивановича, это дело — фольклор.

Возможно, хозяиншко наш здешний и в самом деле знает Жития святых, церковную литературу. Мы видели, как уважительно относятся к его познаниям в местном музее. Ведает и старообрядчество, и сектантские учения явно лучше, чем, например, мы. В избушку натаскал Залесский немало полустлевших книг. "Я дальновиден!" — с гордостью говорит чертовичский старичок. Вре-

Печка с. Васько
Топку ш. Ямла.

Резьба и роспись фронтона дома в Ошевенске.
Расписное крылечко в деревне Бутиной.
Лестница на печь лазать — и та изысканной формы.

мя от времени продает любителям раритеты. Но не привлекает нас возможность приобрести у него святую книгу...

Ах, как величается он, что случилось ему "пострадать" — отсидеть в архангельской ЧеКе аж... 12 дней. Теперь он — "репрессированный". И тут же намекает, да и прямо говорит, что по старинной своей премудрости скоро нашел общий язык с "органами". Будучи вхож в секты, в группы старообрядцев-скрытников, в те годы по поручению ОГПУ ходил по деревням "с корзиной" (был нищим). "Моя обязанность — разузнать, что думают, о чем говорят люди". По его следам шли аресты...

Как он красуется перед нами, покорными слушателями, Максим Иванович! Принимает позы. Не замечает прямой иронии нашей, закипающего возмущения. Вдохновенно откинута голова. Сияют голубые глазенки. Хищно сцеплены на колене коротенькой ножки пальцы рук. Медленная веская речь.

А может, врал все Залесский для пушей важности? Но такого не придумаешь. Убеждаемся, что все же "наш" рассказчик отличается от "не нашего" главным образом добродушием, душевной красотой. Одним словом, "наш" собеседник — крестьянин.

Со смутой в душе пошли по высокому кряжу правобережья к Фадеевым. Петра Михайловича и жену его, Татьяну Алексеевну, нам назвали еще в Каргополе среди тех, кого надо навестить. Полуплепой старик пас где-то на косогоре ветхую козу. Согбенная старушка поблагодарила Бога за наш приход. Велела нам пойти в ее огород — редьки надергать и нарезать зеленого лука. Редечки натерла, квасу добавила, сливок, соли, посыпала насеченных луковых перышек. Поставила тарелку перед нами. И сама села напротив, матерински глядя, как мы уплетаем тюрю. Потом пришел и Петр Михайлович. Это от него мы услышали предания о белоглазых племенах в древнем Каргополье, о Копыловом поле, где некогда жил помещик, памятный старожилам тем, что его кони были подкованы серебряными подковами.

17 августа.

Продолжаем работу на реке Онеге, на берегах ее севернее Каргополя. В деревушке Андроповская зашли к Сергею Семеновичу Анисимову. Дед сосредоточенно варил варенье, грибы чистил. Бабка нянчила внучку. Хорошенькая годовалая девчонка появлялась, норовила выпасть из бабушкиных рук, пока не узрела гостей. Широко, приветно раскрыла глазенки, заулыбалась кокетливо. Маленькая, но женщина! Некстати пришли: кипит домашняя работа. Но и тут немало записали: про леших, домовых,

овинников и гуменников, ближнюю, домашнюю нечистую силу.

А великолепного, в широкой русой бороде деда Петра Яковлевича Козлова нашли на пожне, куда из деревни Усово направила нас его благоверная, Мария Ивановна. Был он в картузе, рабочей блузе, высоких сапогах. Крепкий, домовитый старик 75 лет. Косил сено поблизости, его пожня — под проводами ЛЭП. Но к его дому отводка нет. Ждут-надеются начальники в Каргополе, когда решится дед "укрупнить" своим переездом ближнее село или город. Но дед Петр упрямится: здесь родился. Да и не просто это ему — справиться с переездом. Он и без того спит по пять часов в сутки, не боле. Дети, конечно, наезжают. Внуки, правнуки... От них помощи ждать не приходится: не крестьяне. И в этот день дочка с зятем побывали. Спали полсутка. Потом умотали в Каргополь — гулять. Вечером вернутся.

Как всегда, спросили о первопоселенцах, о панах и чуде. О древнихкладах, разбойниках и старообрядцах, о Петре Великом... Оживился дедушко, когда упомянули о силачах, о Лобанове. "А-а, дак Ванька? Ванька Лобанов в двенадцатом году в Архангельске был — в цирке Павлова. Там много борцов набрано, человек двенадцать. А раньше на заводе Ваня работал, силу показал: взял сваю и унес. А свая — тридцать два пуда! Бревна из лесу носком носил. Здоровенный: на печи лежит — ноги на полатах. В цирке чемпиона Турции Абулата Кизикели поборол. Там Сандаров был, Черная Маска — под маской дрался. Этот Ваню Лобанова отравил..."

"Наш" собеседник! Продолжали беседу с ним в доме Козловых. Под окнами просторнейшей избы заворчал, разворачиваясь, автобус. "Молодые приехали!" — заметалась от окна к окну старушка. Вошел зять, лицо помятое. "Здравствуйте", — сказал и в угол устался, явно недовольный. "Здравствуйте! — виновато сказала Нила. — Видите, только вы уехали, а у Петра Яковлевича и опять попон дом гостей!" — "С гостями веселее!" — ответил хмурый зять, не поднимая глаз.

Переменившаяся в лице старушка ворчала, хмурилась. Собрались было уйти во двора, хотя уже сговорились ночевать: на дворе густая синева сутемени. "Хватит места это! — сурово сказал Петр Яковлевич. — Задняя изба есть, поместимся". Пили чай с шаньгами, молоко "хлебали". Беседовали. Старуха вернулась в избу, сказала упавшим голосом: "Дети ушли. У соседней ночевать ладят".

Наша вина. Настояли, сколь могли деликатно, что уйдем все-таки. В километре от-

сюда, в селе Архангело, есть дед, звал... Петр Яковлевич склонил седую голову, выйдя на дорогу с нами.

— Извините...

— Вы простите. Спасибо.

Тихий вечер. Покляпые березы шумят огрубевшей листвой, невидимыми ветвями. Чуть белело полотно дороги. Вдруг показались такими тяжелыми рюкзаки, магнитофон. Полыхнули и полсвета озарили фары брезентового “козлика”. “Проголосовали”. Устроились на каких-то железных банках. “Кинофикаторы!” Оказалось, едут “искусственные осеменители”. В банках — семенная жидкость. “И как, получается?” — “Нешто корову спросишь, каково ей. Мычит, но телится...”

Стучимся в полуночную гостиницу. “Местов нету”. Требуем подать карту, где отмечены номера: “Семнадцатая комната пустая у вас!” — “Для лучших людей. Райком бронирует”. Еле ворочая языком от усталости, убеждаем, что и мы — звон кто! Из Академии наук... Тошно и совестно — а что станешь делать? “Демократичности” администрации не нам учить. В “райкомовском” номере простыни чистые, подушки пуховые, круглый стол — под скатертью, а на письменном — телефон! Трельяж, шифоньер! Хорошо живется “лучшим людям”! Но нам всего важнее — “бух в пух”! — выспаться.

Опять в Каргополе

18 августа.

Чудесный денек в заповедном городе. Сказочное утро. Идем-плывем, всем довольные, на Заводскую улицу, за “Валушки”, где некогда стоял деревянный каргопольский острог, местная крепость. В гости к Григорьевым — Леониду Ивановичу и Марии Константиновне. Идем второй раз — прежде не застали хозяина дома. Худощавый бритый старик — из лучших наших сказителей, стало ясно сразу. Записали 10 бытовых рассказов, преданий. Иные — пространные, подробные. Дорогого стоят его воспоминания о старом каргопольском мастере изустного повествования Осмоне.

— Много бывальщин слышал я от Ивана Васильевича, мальчонкой еще с ним познакомился, когда работал на проведении телеграфной линии. Он какой был? Высокий старик с белой бородой. Седые кудри лезут на околыш картуза. Глаза из-под козырька — веселье, разбойные. Звали его чаще по прозвищу Осмон — это озорник, вот! Добрый, значит, незлобивый переселенник. Краснослов-бавушник. Но и обид не прощал. Вольный человек, охотник и рыболов.

И вот слышим в этом маленьком доме рассказы о победителе чуди князе Вячеславе Белозерском. Изустную повесть об одном из каргопольских воевод. Снова — о легендарных первоначальниках края, “чуди белоглазой”. О шведах, о Петре Первом. И о старинных зодчих, мастерах хоромного и храмового строения.

Леонид Иванович и теперь похож на себя в детстве. Каким был в мундирчике реального училища. Первый признак хорошего человека — когда старик сохраняет в своем облике что-то от первоначала жизни. Таким же он оставался, по семейным фотографиям, и в тридцатые годы — снят с красавицей женой. Оба худощавые, с чуть шальными, как почти у всех снимавшихся в те годы, глазами. Он и теперь сохранил этот взгляд крупных очей со своеобразной — чудской? — складкой века, эпикантусом. Аккурат как на старинных каргопольских игрушках. Облысел-то он, видим, рано. Так что изменился мало шестидесятишестилетний Леонид Иванович.

Мария Константиновна, в отличие от мужа, немного помнит “из старины”. Все для нее заслонило воспоминание о женской прогимназии, о строгих учителях в форменных шуртуках. В полудеревенском здешнем быту встречаются женщины, в преклонных летах сохранившие врожденное благородство, интеллигентность, благожелательность. Тлеет в душе старушки извечное, неизжитое смущение, что на десять лет старше она своего мужа: вновь и вновь говорит об этом.

Красивые их дочери с задумчивой нежностью смотрят со стен комнаты, портреты их — основное убранство дома. Наряду с упомянутым уже старинным телеграфным с натруженной медной ручкой аппаратом. Одна из дочерей — восточного облика, здакая черкешенка. Оттого, объясняют нам, что дед Леонида Ивановича был выходцем с Кавказа. Вот отчего у него этот прищур! Не от чуди!

Слышим народный рассказ о ссыльных черкесах Муте и Багоме, некогда живших в Каргополе. Женились чернявые ребята на каргополках. Трудно привыкали потом северянки к жизни на далеком Кавказе.

Лядины

19 августа.

Это в 38 километрах от Каргополя на восток, к Пудожу. Лядины — гнездо селений, семь деревень. Возникли Лядины при озере. Но озеро, подобно лукавой Чурыеге, ушло в необозримые здешние карстовые пещеры. Деревни повернулись к Пудожскому

тракту. Одна из них — самая молодая, Гавриловская, — протянулась вдоль дороги.

Объединяет деревни и ансамбль деревянных церквей (XVIII в.). Это шатровая Покровская зимняя церковь и пятиглавая Богоявленская, летняя, с тремя прирубями-алтарями, один из которых посвящен св. Георгию. Между ними возвышается традиционная колокольня: рубленая восьмерик на четверике, под шатром. Звонница оформлена арками.

В Богоявленскую церковь ведет пятиугольная в плане лестница. Над ней — повторяющее ее очертания широкое крыло крыши, тесовой, с резными копыцами на окончании каждой тесинки. Ахнули, войдя под ее сень: простиралась над нами роспись — звездное небо! Вспомнилось былинное: “на небе звезды — и в палатах звезды”.

В интерьере — резные столбы, украшающие трапезную, подпирающие ее могучую матицу. Здесь же и резные лавки с подзорами. Линии их плавны. Красивы алтарные “царские врата” с умильными косивчатыми окошечками и вверху, где обычно пишется икона “Благовещенье”, и внизу, где изображения евангелистов.

Здесь все, начиная с пейзажа, изузоренной архитектуры измелъченнее, чем в эпическом Ошевенске. Будто и природа, и храмы, и хоромы еще в суете и панике после драмы — ухода озера, около которого и распоселились было Лядины (слово это значит — “место, расчищенное под пашню”). Появились неведомые прежде маленькие, под двускатной крышей узорные крылечки с резными баясинками — витыми и с “кубышками”. Чаще встречается на домах резьба и роспись.

...Веселоглазая, в белом платочке и такой же блузке Маривьяна Васильевна Половникова живет в просторной избе. Ее дочь Маша семнадцати лет, от болезни сердца лицо у нее — как мел. Девушка просится в кино, мать со смехом отвечает, что тогда не на что будет купить хлеба. Есть у Маривьяны сын Иван, ему под сорок. Все трое — пенсионеры. Мать — по возрасту, дочь — по болезни. Сын, считает Маривьяна, “по алкоголизму”. Ивана так и не видели: на рыбалке. Маривьяна дуэтом с Машей рассказали несколько топонимических преданий — живо, с огоньком. Кое-что вспомнили задушевные подруги — мать и дочь — и из народной демонологии.

Успели походить и по другим информантам. Степан Емельянович Пинаев рассказал предание о панском кладе, упрятанном в церковном колоколе, в Луевом болоте! в памятное здесь Смутное время. Недаром и теперь показывают “споматую” ель, у ком-

ля которой еще недавно видели витое кольцо, ввернутое для панской коновязи. Вновь слышим о таинственном жернове. И здесь это характерное для Русского Севера предание приурочено ко временам Сапеги и Лисовского.

Много порассказал нам о панах и кладах и Александр Иванович Сальников, почти по всем статьям нашего своедельного вопросника. Запомнится и другой повествователь, тоже Сальников — Федор Архипович, семидесятилетний старик. Он цыгановат, с огромными усами. Ростиком небольшенький, но озорник великий. Озадачил Нилу: выразил неудовольствие по поводу того, что юбка на ней, по мнению каргопола, слишком длинная!

— Думаєте, сойдет по сельской местности? А у нас тоже понятие есть!

Поведал легенду о св. преп. Кирилле Челмозерском, об основателях лядинских деревень Бутке и Дудте. И с особенным вкусом — о силаче-охотнике, который ловил белок необычным способом: раскачивал деревья, на которых зверьки сидят. “Белка нежная тварь. У нее головокружение содедается. Падет наземь”.

Вот такие они, лядинцы. Пробыли мы здесь два дня. Надо ведь успеть в селение Хотеново, что поманивает нас за славное озеро Лача. Возвратимся в Каргополь. На онежской пристани взойдем на речной кораблик. Курс — на юг.

Там, за озером — сказки...

21-24 августа.

Навсегда памятна поездка на речном трамвайчике — плоскодонном теплоходе. Совсем недолго — по Онеге. Перед нами развернулась панорама древнерусского града. Потом вошли в белесые просторы Лача-озера, о котором живописно тракуют здешние краснослывы: лебединый край, место отдыха летящих на север гусей и уток, осеннее их прибежище на обратном пути. А нам здесь так и слышится наигранно-горестный, изукрашенный словесными витушками вопль “Моления” знаменитого книжника XII века — Даниила Заточника: “Кому Лаче — озеро, а мне — плач горький”. Задолго до Епифания Премудрого занявшись искусным “плетением словес”, он привлекал краски каргопольского крестьянского говора.

На борту жестяной посудинки спрашиваем неказистого мужичка с берестяным кошелем за плечами, знают ли, мол, песни и сказки там, в Посвидье, куда держим путь. И получаем ответ: “Дивья за буюном коней

паствити! Этого добра — навалом!” В первой части реплики — прямая цитата из “Моления”, а скорее — местную поговорку к “Слову” своему пристегнул опальный книжник Даниил. Для колорита!

Красиво рисовались на просторном, с болотистыми берегами Лача пристани, пестро унизанные народом. Казалось, навеки утопят наше суденышко пассажиры, хлынув с причала. Но всякий раз оказывалось, что это — встречающие, а то и просто зеваки. Приход кораблика — событие, зрелище.

Суденышко утыкалось в отмель. Невеселый матрос подавал с форрика трап. По нему сходили пассажиры. Ближе к Хотенову стало просторно. Солнце устало к исходу августа. Грозило теплым дождем небо. А мы кайфовали на просторной корме, наслаждаясь ровным теплом, неярким светом и — бездельем, вполне оправданным и простительным.

По обе стороны узкой речки Свиди тянулись близко — судовым багром уцепи — кошенные луга. Мужики и бабы метали стога, дребезжали конные грабли. Лошади поглядывали человеческими, как на иконе святых Флора и Лавра, глазами. Мы говорили меж собой об уходящих днях экспедиции. И о том, что такое — сказитель, а что — собиратель. И какое меж ними происходит творческое таинство. Кажется, этот вопрос у нас совершенно не изучен. А материал накоплен большой — со времен П.Н.Рыбникова и А.Ф.Гильфердинга, еще раньше.

Вожденное Хотеново — селение на прибрежном взгорье. Ночлег в запыленном школьном интернате. Походы пустынными полями по широко раскиданным деревням. Созерцание обезглавленных и все-таки прекрасных храмов, талантливо вставленных в немое пространство. Краткие привалы в овсяной колне, трапеза на гороховом поле. Опять предания, рассказы о нечистой силе. Мир за Свидью показался нам

скучным, несмотря на былинное название куста селений (Хотен — имя одного из героев русского эпоса). Лучшие здешние рассказы — восьмидесятилетние Василий Андреевич Абрамов и Тимофей Федорович Малыхин — так ничего нового и не добавили. Те же, каргопольские, сюжеты, та же лексика. А может, мы пресытились впечатлениями. Пора домой. Чаще стали вспоминать о сыне, оставленном у бабушки в Поднепровье.

Тревожно на душе. Полегчало, когда, возвратившись домой, Нила нашла доброе, светлое письмо от своего старого учителя, профессора Ленинградского университета Владимира Яковлевича Проппа. И следом грянула телеграмма о кончине известного фольклориста. Нила тотчас, бросив рюкзак, улетела в Питер.

На печальной ноте заканчиваем дневник путешествия в глубины народной памяти Русского Севера. Прошло время. Подготовленные ныне к публикации страницы старой дорожной тетради прочитают немногие из упомянутых здесь рассказчиков, зато перелистают их дети, внуки. Живые голоса наших собеседников навсегда сохранит фонотека Карельского научного центра АН России.

Рассказанное нам каргополами стало повестью, рассказами и сказами одного из нас. Легло в основу научных разысканий, опубликовано в сборниках фольклорных текстов другого³. Обещание, данное на Онеге и Свиди, выполнено.

³ См., например, книги В.И.Пулькина: Кижские рассказы (в сборник включена повесть “Иван Лобанов”), М., Сов. писатель, 1973; Подаренье, Петрозаводск, Карелия, 1984; Медный верхник. Петрозаводск, Карелия, 1988 (в соавт. с Н.А.Криничной). А также подготовленные Н.А.Криничной (ныне — доктор филологических наук) издания: Северные предания: Беломорско-Обонежский регион. Л., Наука, 1978 г.; Легенды. Предания. Бывальщины. М., Современник, 1989; Предания Русского Севера. СПб, Наука, 1991; другие.

Очерк иллюстрирован рисунками Виктора Пулькина, сделанными в экспедиции по Каргополю.